

Олег РЯБОВ
г. Нижний Новгород

Обременённый благодарностью

1

С Ермаком меня познакомил Саша Канц, который в семидесятые не писал монографий о книжной графике Эль Лисицкого и не классифицировал орнаменты еврейских надгробий, о чём ему мечталось, а занимался народными промыслами и Хохломой. Регулярно, раз в месяц, Саша приезжал к нам в город в командировку для участия в художественном совете фабрики «Городецкая роспись». Обычно он предварительно звонил и вежливо спрашивал: что из продуктов надо привезти? Мы с супругой так же вежливо сообщали ему, чтобы он не беспокоился и не утруждал себя. Тем не менее каждый раз, прибыв с утреннего поезда к нам домой, он сразу проносил на кухню большую картонную коробку со словами: «Это не для тебя, а для семьи и для детей». В коробке, как правило,

оказывалось много такого, что невозможно было увидеть в наших мрачных, суровых и полупустых продовольственных магазинах: сыры, окорока, паштеты, копченая рыба, греча, конфеты, какие-то деликатесы в коробочках — всё это супругой выкладывалось сначала на стол, а уже потом рассортировывалось в холодильник и на нужные полочки.

Саша сразу же объявлял сумму за продукты — она была необременительна для нас, и я тут же расплачивался. А Канц, как бы смущаясь, объяснял: «Я — вроде бальзаковского Гобсека — этим освобождаю вас, да и себя тоже, от необходимости чувствовать себя должниками».

Однажды Саша приехал утром без предупреждения и без звонка, зато с незнакомцем и с извинениями за неожиданный визит и неганданные хлопоты. Саша Канц всегда выражался несколько витиевато, но очень точно, чем подкупал не только престарелых аристокра-

ток, у которых пытался выторговать парочку рисунков Сомова, но и меня.

— Дорогой мой, — начал он прямо в коридоре после скорых, но обязательных объятий и церемонных приветствий. — Во-первых, я давно обещал тебя познакомить с моим товарищем и твоим коллегой Сашей Ермаковым. Вы много слышаны друг о друге, а вот теперь я выполняю волю судьбы и приглашаю вас стать добрыми друзьями на долгие-долгие годы. Лично мы с ним таковыми являемся на удивление всей книжной Москве, потому что он — как бы главный антисемит столицы, а я, наоборот, — апологет и носитель иудейской культуры и нравственности.

Разговор продолжился в комнате, которая в нашей квартире была и кабинетом, и библиотекой, и гостевой — в ней даже разрешалось курить и играть в преферанс. Вскоре за чаепитием выяснилось, что привело их ко мне этим утром.

Всякий раз, приезжая в наш город по делам, Саша Канц совершал регулярный вояж к наследникам так называемого профессора Семёновых, который профессором-то и не был, а вот коллекция его достойна отдельного рассказа хотя бы уже тем, что в ней имелись автографы всех романовских императоров, и это было в ней не самое ценное. И всегда Канцу удавалось зацепить у наследников что-либо интересное: книжку, рукопись или какой-нибудь античный артефакт.

Ермак же, а именно так его называли и называют до сих пор в книжном мире, приехал совсем по другому поводу, хотя и схожому. Находясь на отдыхе где-то в Кисловодске, Ермак познакомился с нашим горьковским книголюбом, владельцем большой библиотеки, который по пьянке рассказывал ему об удивительных старинных рукописных книгах с картинками. Он приглашал Ермака в гости, дал ему свой адрес и обещал продать ему книги при условии хорошей цены.

Каково же было разочарование москвичей, когда в справочном бюро на вокзале, в окошечко которого они просунули пять копеек и бумажечку с адресом горьковского книголюб-а, им холодно отказали в помощи: нет такой улицы в городе Горьком, улицы Коларова в

Горьком нет! Канц долго объяснял девушке в окошке, что Коларов — замечательный человек, что это — великий болгарский революционер и в городе обязана быть улица его имени, но всё безрезультатно.

Ермак никогда раньше не был в нашем городе, и Канц, в качестве компенсации за неудачу, постигшую того, любезно согласился познакомить его с минимальной, в виде меня, достопримечательностью, которая, возможно, могла бы Ермака здесь заинтересовать.

Я ненавязчиво попросил у моих гостей бумажку с адресом и так же, как, видимо, и барышня в справочном окошке, недоумённо уставился на довольно разборчивые каракули.

— Саша, — спросил я у Ермака, — а ты уверен, что твой новый знакомый не хотел тебя как-нибудь подставить?

— Да ты что? Мы с ним две недели вино пили: у него в номере, у меня в номере, в ресторане, в столовой; в парке при санатории не осталось ни одной скамейки, на которой мы бы с ним не выпивали. Только вот я его каждый раз угощал коньяком, а он меня венгерским вермутом. Но это, наверное, возрастное — ему уж за семьдесят, а так деньги-то у него были. В этом плане он не стеснялся. И зовут его замечательно — Иван Моисеевич. Вон Канц даже заинтересовался: не полтинник ли он? Но по мне — так чисто деревенский русский мужик. Родом из каких-то дремучих заволжских лесов.

— Ну, вы меня насмешили: из заволжских лесов! Так в заволжских-то лесах и живут старообрядцы — поборники истинно православной веры. Они спасались в лесах на Керженце да на Унже от розыска, начиная с семнадцатого века. И в никонианские времена, и в петровские, да и девятнадцатом веке их власти не жаловали. А имена там давали детям библейские: Абрам, Моисей, Марк. Так что — всё сходится. Вот мой учитель по книжному делу Серафим рассказывал мне про Семёна Моисеевича Луннова, дореволюционного хлеботорговца из старообрядцев, самого большого нижегородского библиофила той поры. Он говорил, что если попадается книга с экслибрисом Луннова, то это почти гарантированная редкость. Алексей Ремизов принял его в своё

обезьянье общество с каким-то почётным прозвищем. А у меня есть маленькая книжечка с рисунками Бакста «Царь Додон», так там на первой типографской странице, перед шмуцем, есть лист с типографским текстом: С.М. Луннова. То есть он имел возможность договориться с издателем, чтобы для него специальный экземпляр печатали.

— Ну, ты сейчас начнёшь нам свои библиофильские сказки рассказывать, так мы никогда делом-то и не займёмся, — прервал меня Канц. — Хотя за науку — спасибо!

— Ну, если к делу, давай — к делу! — И я обратился уже к Ермаку. — А мужик-то твой не рассказывал, в каком районе он живёт?

— Да нет! Говорил, что у него трехкомнатная в пятиэтажке. Еще говорил, что если бы машина была, то техосмотр было бы удобно проходить — ГАИ рядом.

— Ну, так вот, братцы, с вас пузырь. Я знаю его дом. Тоже мне, нашли болгарского революционера Коларова! Это улица Комарова, космонавта Комарова.

— Старик, ты гений, — воскликнул радостно Канц. — Это же на Московском шоссе.

2

Одним из надёжных и постоянных источников заработка большинства провинциальных антикваров было сопровождение столичных купцов по заранее припасённым адресам старушек из бывших, которые желали продать свои ценности только москвичам — так высок был у тех имущественный статус. Такса за такие услуги была не высока, но довольно стабильна: пять рублей за час поездок плюс десять процентов от суммы всех покупок, плюс обед в ресторане с обсуждением дальнейших перспектив. Саша Канц уговорил меня в тот день поехать по адресам с Ермаком, мотивируя это тем, что, мол, вы оба книжники и вам это знакомство будет полезно в будущем. Однако я чувствовал, что Канц чего-то недоговаривает, и спросил у него прямо в лоб:

— А ты сам-то куда сейчас?

— Ну, не буду юлить и скажу честно: я с кли-

ентом сегодня еду в Краснослободск, это на границе с Мордовией, и в Москву рвану уже из Арзамаса. Так что я с вами сейчас прощаюсь.

Выйдя из дома, мы с Ермаком поймали такси и уже через полчаса, оставив задаток водителю, разглядывали поистине огромную библиотеку Ивана Моисеевича. Две комнаты «брежневки» были тесно перегорожены стеллажами, аккуратно заставленными, как в путном архиве. К нашему ужасу, то были яркие разноцветные корешки советских собраний сочинений. Седовласый подтянутый бодрый старик с гордостью двигался вдоль рядов стеллажей, проводя по книгам рукою, и с блеском в глазах поглядывал на нас.

— Ну, что, видели ли вы что-нибудь подобное у себя в столице?

— Невероятно! Невероятно, — отвечал почти удрученно и в то же время с восторгом Ермак, — и как я только не догадался! Знаешь что, Иван Моисеевич, дай-ка нам стакан, хоть встречу вспырснем, что ли.

Ермак вытащил из своего объёмного саквояжа бутылку коньяка и уверенно пошёл на кухню. Я как-то сразу догадался, что бутылок этих у него не одна. Выпив по полстакана коньячка, мы чуть-чуть расслабились и внимательно выслушали историю старого книголюба. Она оказалась примитивной, и мне стало ясно, что в Кисловодске новоявленные друзья действительно не просыхали, если Ермак ничего не понял.

Иван Моисеевич долгие годы работал учителем русского языка и литературы в Ковернино. Тихо текла жизнь в дальнем медвежьем краю, о котором не то чтобы в стране, а и в родной области больно-то не вспоминали, почитай, со времён Мельникова-Печёрского. Да только появился в колхозе имени Ленина, что в деревне Сухоноске, председатель Вагин, ставший знаменитостью на всю страну — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета и вообще человек-легенда. И построил этот Вагин у себя в деревне, на центральной усадьбе, церковь. Как у него только ума-то хватило? Денег колхозных двести пятьдесят тысяч на это выделил. Пробирали его и на бюро обкома партии, и в

Москве пробирали, а он только в кулак сопел: «Это я для старух!»

Тут-то и появился Иван Моисеевич, который тайком, по заветам отцов и дедов, хранил у себя, строго и никому не показывая, иконы и древние рукописные книги из давно закрытого старообрядческого молельного дома. На радость Вагину и старухам, передал он эти иконы с лёгким сердцем в новый храм. Правда, и среди старух были со злыми языками: говорили, что должен был Иван Моисеевич передать всё своё добро Михаилу Ивановичу Чуванову, что в Москве живёт и является главным хранителем святынь древлеправославной веры. На что учитель резонно отвечал, что книги у старой и новой веры разные, а иконы — одни и те же. А потом случилась беда — сгорел у Моисеича дом вместе и с книгами, и с валенками, и с документами в тот же год, и остался он без кола, без двора, с одной пенсией, на которую к этому времени вышел.

Да вот Бог-то всё видит. Купил Вагин из благодарности да от щедрот своих Моисеичу квартиру кооперативную в городе, чтобы тому поближе к сыну быть, да приварком к пенсии зарплату от колхоза в сто рублей положил со словами: «Это тебе как пенсия — до смерти либо моей, либо твоей, чтобы ты книжки мог покупать!» А сколько он ему разово подъёмных выписал, так это только экономист Нина Уханова и знает. Свихнулся немножко от всего этого Иван Моисеич и стал все деньги тратить на приобретение книг.

— Да, жалко, — подвёл черту разговору Ермак, — а то мы могли бы хорошо перебросить эти книжечки рукописные Михал Ивановичу Чуванову.

— А что, вы знакомы с тем самым Чувановым, о котором я говорю?

— Чуванов, в отличие от Вагина, у нас в стране один! И я не далее как вчера купил у него два письма Достоевского.

— Так что же вы не сказали? Вам надо ехать в Медвежково или в Хрящи. Я вам сейчас напишу записочку.

Ермак был спутником не очень-то разговорчивым. Он больше всё смотрел в окно такси, которое мы теперь арендовали уже на целый день, и изредка открывал свой саквояж, доставал оттуда бутылку коньяка и высасывал из неё один-два глотка. Чувствовалось, что он вчера крепко перебрал и не может прийти в себя. В самом начале нашего пути он предложил мне:

— Хочешь, я тебе тоже дам бутылку, и ты тоже будешь посасывать.

Но когда я отказался и начал что-то рассказывать, то Ермак как-то неаккуратно меня оборвал со словами:

— Знаешь, Геннадий, что я тебе скажу, я когда-то вынужден был дать подписку о сотрудничестве с КГБ, и всё, о чем мы говорим, будет там известно. Так что ты помни об этом и думай, что болтаешь!

Может, поэтому у нас такими холодными образовались отношения попервоначалу.

Мы приехали в деревню то ли Хвощи, то ли Хрящи, кто как её называл, уже далеко за полдень. Маленькая, чистенькая такая деревенька, враз недалеко за Сухоносской пресловутой, где мы задержались совсем ненадолго. Приехали, как разведчики или революционеры, а может, жулики блатные, с запиской-рекомендацией-малявой от Ивана Моисеича, у которого Ермак всё же под конец купил за сто рублей двадцать томов стенографических отчетов партийных съездов и конференций с условием, что я их потом заберу и переправлю с оказией в Москву. Записка была чудная и гласила: «Тётка Агафья, гостей прими, накорми и покажи да и отдай им то, о чём мы говорили, для Чуванова. Что они дадут — возьми, так надо. Иван Моисеевич».

Такси мы оставили за околицей деревни и пешком направились вдоль порядка, высматривая хоть какую живую душу, чтобы спросить про тётку Агафью. Нам повезло — вскоре мы увидели старуху, которая стояла как вкопанная и смотрела на нас, приближающихся, мягко сказать, сурово. Когда мы поравнялись, Ермак довольно витиевато начал:

— Любезнейшая, как бы нам найти дом, в котором...

— Вы не от Моисеича случаем будете? — спросила тётка.

— Да, — как-то приниженно залепетал Ермак, — а вы тётка Агафья будете?

— Она самая и буду. А вы по делу или погулять-отдохнуть?

— Да, по делам, потолковать бы надо, посоветоваться.

— Ну, тогда заходите в избу.

— А ты, Геннадий, посиди здесь на скамеечке, подожди меня, воздухом подыши, — неожиданно обратился Ермак ко мне и пошёл за старухой.

Отсутствовал мой московский гость довольно долго, может быть, с час, и я уже начал жалеть, что не взял у него персональную бутылочку, которой мог бы в одиночестве распорядиться. А когда он появился с огромным свёртком под мышкой, завернутым в холстину, мне показалось, что это — другой человек: он был бледный, немножко даже зеленоватый, волосы вздыбились, ну шишига, да и только. Он прошёл мимо меня, вроде бы даже не заметив, и, как сомнамбула, направился в сторону околицы, где мы оставили машину. Я недоумённо посеменил за ним.

Всю дорогу домой мы проехали почти молча. Я жалел, что связался с этим клиентом, и не был уверен уже, что он мне что-нибудь вообще заплатит. К дому мы добрались, когда уже начало темнеть. С таксистом Ермак рассчитался, как я понял, по-царски, потому что тот вдруг выскочил из-за руля и начал спрашивать, не надо ли чего помочь и не подождать ли ещё. Но Ермак торопился.

— Пойдём скорее домой, — подталкивал он меня в бок, и мне почему-то на какой-то момент переданся его зуд.

Невразумительно хмыкнув на вопрос моей супруги об ужине, он довольно беззастенчиво прошёл в мою комнату и, усевшись на старый затёртый палас, застилавший пол, вдруг смилостивился и, улыбаясь во весь свой уродливо огромный рот, обратился ко мне:

— Садись. Не сердись, а радуйся — ты присутствуешь при великом открытии. Те, кто раньше разглядывали эти книги, не понимали, какое это чудо, это целый другой мир. Это другая эстетика, и её надо в себе вырастить.

Я сел рядом с Ермаком на пол, а он дрожащей рукой развязал холщовый мешок и нежно вытащил из него невероятных размеров и толщины книгу, потом медленно раскрыл её по середине.

— Это лицевой хронограф шестнадцатого века. Не знаю, сколько таких томов было написано по заказу Ивана Грозного, но больше десятка. Каждый том был писан в одном экземпляре на специальной бумаге, пропитанной, что предохраняло её от грибка и гниения. Вот в этом томе — больше тысячи страниц и больше тысячи миниатюр, и охватывает он период русской истории за пятьдесят лет: середину пятнадцатого века. Поэтому я и сидел с этой тёткой в избе так долго, смотрел — какие там были дефекты. Видишь: вдоль контуров крупных миниатюр — точки чёрные, это припорошены. Таким образом старообрядцы изготавливали копии лицевых списков: иголкой накалывали контур и пороховым тампоном с сажей наводили контур на новый лист. Ну, а главный интерес в этой книге, а может, и не главный — здесь всё главное. В общем, здесь ещё и вкладная запись есть. А может — владельческая. Открой третий лист и дальше, там запись: книга Алексея Адашева. Тебе надо объяснять, кто это такой? В течение пятнадцати лет он был ближайшим сподвижником и казначеем Ивана Грозного. Именно он был инициатором и проводником всех реформ великого царя.

Вторая книга, на мой вкус, была ещё более замечательна: это был огромный «ин фолио» атлас карт и планов русских городов семнадцатого века, более ста листов. Сам атлас помещался в специальный, красного марокена, футляр — коробку, сделанный по заказу уже в девятнадцатом веке. Архангельск, Вологда, Каргополь, Углич — каждое название было главой замечательной русской истории. Кремль, башни, крепости, фортификационные сооружения, рвы, мосты — всё это было дотошно аккуратно нарисовано от руки и раскрашено темперой. Подписи, комментарии, даты, заглавные буквы золотом и киноварью не давали повода сомневаться во времени изготовления атласа.

Мы сидели с Ермаком, разглядывая приобретённые сокровища, почти всю ночь, пока не заснули, пересев на диван и подложив под головы подушки-думочки.

4

С тех пор мы с Ермаком крепко задружились. И если я для него был просто очередным клиентом, то он для меня на какое-то время стал и другом, и советчиком, и палочкой-выручалочкой. Мой бизнес тех лет примитивно заключался в том, что я ежедневно посещал букинистический отдел когиза и тупо скупал там всё, что могло, по моему мнению, представлять коммерческий интерес. К этому надо прибавить книги, которые я покупал у старушек, продолжая рысачить по адресам, да еще что-то я умудрялся брать на продажу у стариков букинистов, которые просто не догоняли столичные цены. Благодаря этому раз в месяц, а иногда и чаще, я появлялся в Москве.

Каждый раз с телефона-автомата на Курском вокзале я звонил Ермаку, тот спросонья сначала матерился, потом благодарил и только после этого совершенно внятно проговаривал: — Давай в десять, в «Ивушке»!

«Ивушка» — кафе по соседству с Домом книги на Калининском проспекте, удивительно невзрачное и маленькое, но там была утренняя штаб-квартира Ермака: здесь он похмелялся и принимал стратегические решения на день. Местные гардеробщик и официантки ломили перед ним шапки, а завпроизводством и шеф-повар выходили в зал, чтобы с ним поздороваться. В любую погоду, в самые суровые годы борьбы с зелёным змием нам приносили коньяк в кофейных чашечках или водку в тонких стаканах и подстаканниках, в жидкости плавал ломтик лимона, и из стаканов торчали ложечки. Однажды, за неимением лучшего, нам подали две бутылки чешского зелёного ликёра, после которого я хворал и ходил пьяный два дня.

Где-то в душе Ермак, конечно, был игроком, потому что часто он говорил мне:

— Так неохота рассматривать весь этот твой

мусор! Скажи просто — сколько тебе надо за весь чемодан?

Услышав сумму, он, не споря, расплачивался. И только спустя годы я понял, что и здесь Ермак меня переигрывал. Он покупал вслепую только тогда, когда знал, что я привёз что-то особо ценное. Такой оптовой покупкой от меня скрывалась истинная цена дорожной книги.

Часто к нашему с Ермаком утреннему страданию и возрождению в «Ивушке» присоединялся его друг и напарник в торговых сделках, Лука. Рослый, крепкий, просто богатырского телосложения и здоровья, он был немногословен, но очень быстро и хорошо считал варианты, объясняя это тем, что он физик-теоретик, но я над ним смеялся и говорил, что он просто прирождённый мошенник.

Бывало, что при мне они начинали разбирать и анализировать сделки предыдущего дня, и тогда мы перебирались во вторую штаб-квартиру Ермака. Полуподвальное помещение на старом Арбате местное домоуправление сдавало Ермаку как дворнику. Дворника он нанимал и платил тому нормальную зарплату, а помещение использовал под маневровый склад для книг. Попасть в эту штаб-квартиру, находившуюся где-то во дворах за магазином военной книги «Звезда», в котором в те годы начинала свою карьеру приёмщицей замечательная Маша Чапкина, можно было только со стороны Староконюшенного. Для этого надо было пройти мимо какого-то уродливого недоломанного бревенчатого купеческого особняка, обязательно встретившись с известным артистом и московским книголюбом Георгием Вициным, совершающим выгул своей чёрненькой дворняжки по кличке Лай.

Период моего знакомства и сотрудничества с Ермаком я мог бы назвать идиллией, хотя это и звучит слащаво. Так вот, замечательное свойство идиллии заключается в том, что она когда-то начинается и когда-то кончается. В один страшный день мне не помню кто позвонил и сказал, что Ермак попал в автомобильную катастрофу и насмерть разбился.

5

И почему-то после этого посыпалось всё. Так бывает.

Дома из-за какого-то глупого, но принципиального конфликта возникла непреодолимая яма, и мы перестали разговаривать с женой. Вдруг я оказался должен довольно большие деньги неприятным людям и как их отдать, не знал. Я потерял работу и несколько месяцев болтался без дела: утром вставал, одевался, пил кофе, брился и шёл на улицу, а работы не было. И, имея в друзьях или знакомых половину города, мне, всегда успешному, было стыдно подойти к кому-то и сказать: «Помоги найти работу».

Вот в таком паршивом настроении в ноябрьские дни с десятилетней дочкой я непонятно зачем оказался в Москве, наверное, пообещал ей показать праздничную Красную площадь. С дочкой мне было легко. По-видимому, она понимала всё, а если не всё, то уж моё состояние — это точно. Но детское мужество — оно такое мужественное, что иногда просто начинаешь завидовать детям.

Мы шли по Калининскому, направляясь к Кремлю, держась за руки и меся ноябрьскую снежную слякоть, когда неожиданно воткнулись в огромную человеческую гору, которая стояла у нас на пути. Гора дожидалась, когда мы в неё воткнёмся. От горы одновременно пахло извозничьим теплом, только что выпитым коньяком и какими-то не обычными для меня духами. Это был Лука.

— Старик, ты куда пропал? Мы постоянно в Москве вспоминаем о тебе, а тебя нет! Расскажи хоть — как твои дела? Чем дышишь? Что новенького из редкостей зацепил?

И тут меня прорвало — я вываливал Луке всё, что у меня наболело, пока он меня не прервал:

— Всё это чепуха и дребедень. Пошли со мной!

Он взял за вторую руку мою дочку, и мы в довольно хорошем темпе, так, что ей постоянно приходилось подпрыгивать, повисая на наших качелях, направились в глубь ближайшего двора, потом прошли по какому-то переулку, заставленному строительными лесами, и вдруг оказались сзади Дома книги.

— Сейчас мы, Гена, решим все твои проблемы, — заявил Лука, подходя к покрытому снежной кашей красному разбитому «жигулёнку».

Он открыл заднюю дверку своей страшной машины, взял с сиденья новенький дипломат с металлическими уголками и с цифровыми замками, открыл его и как-то легко и даже празднично протянул мне три банковских упаковки. Червонцы, три тысячи рублей.

— Вот — держи и решай все свои проблемы. Жене купи шубу или колечко с брюликом. Дочку своди в цирк на Цветной, Кремль она посмотрит в хорошую погоду и без тебя — сегодня только простудитесь. Раздай свои карточные долги или некарточные — хрен тебя знает. И начинай работать, телефоны ты все мои знаешь! Только не благодари и не думай об этих деньгах — отдашь! Деньги — это инструмент. Работай моим инструментом, я буду рад, если мы оба заработаем. И ещё я считаю, что среди нищих нельзя стать богатым. Если ты будешь богатым, я сумею от твоего пирога откусить.

Всё это выглядело просто фантастически, как в каком-то нереальном американском кино: эта мерзкая погода, этот холодный сырой двор, эти деньги, большие деньги и мы все трое смущённые, но непонятно почему. И ещё я чувствовал, как в этот двор и в каждого из нас троих в отдельности заползала какая-то новая субстанция сродни радости или душевному теплу.

6

Прошло достаточное количество лет, если не сказать много. Я давно отдал долг Луке. Он стал владельцем самого шикарного в стране антикварного магазина и довольно известным, европейского уровня, дилером. Я был доволен тем положением, которое занимал сам, и никому не завидовал. Мы изредка перезванивались с Лукой, и я получал от него чисто профессиональные консультации, но никогда не интересовался его личными или семейными делами. Не то чтобы мы с ним принадлежали к разным весовым категориям, а

просто по Воннегуту мы относились к разным каррасам и поэтому не тянулись друг к другу.

Однако постоянно меня преследовало, да, в общем-то, и до сих пор не отпускает, чувство неизрасходованной благодарности за те три тысячи рублей, за тот великодушный, непросчитываемый жест, которому нет рационального объяснения. Стремления отблагодарить Луку каким-то смешным подарком у меня не было, потому что удивить чем-нибудь антиквара его уровня трудно, тем более что наша страна уже вступила в период тотальной долларизации и любые поступки, добрые жесты и подарки оценивались в «зелёных». Но некое материализованное чудо, оказавшееся волею судьбы в моих руках, заставило меня искать встречи с Лукой.

Древняя и довольно объёмная книга «Библия русская», изданная Франциском Скориной в Праге в начале шестнадцатого века, попала в наш дом совершенно загадочным образом. Два незнакомых мне полусумасшедших крестьянина из какого-то заволжского, Богом забытого села... (Богом забытого — потому что у них в селе даже церковь, в смысле храм, развалилась сама по себе.) Так вот эти два незнакомца подарили мне книгу не от щедрот и не за какие-то заслуги, а от желания сделать больно своему земляку, поэту Фёдору Сухову, который на старости лет ударился в богоискательство и стал ярым исповедником старого православного закона. Обиженные на него, они почему-то считали, что эта книга старообрядческая и поэтому Фёдор Григорьевич, узнав, что она ему не досталась, будет очень расстраиваться. Сухов был моим учителем и старшим другом, а мне подарок с недобрым умыслом не больно-то и хотелось у себя иметь, да и Фёдору Григорьевичу я её не мог отдать: он бы эту Библию выкинул. Тем более что каждый раз, как я вычитывал что-нибудь новенькое про неё, мне становилось не по себе — я понимал, что надо расставаться с этой уникай. Ещё бы не уника: я узнал, что Скорина был другом великого Рафаэля Санти, я выяснил, что у лучшего известного экземпляра Библии, хранящегося в Британском музее, не хватает страниц, а в моём — все до одной целёхоньки. Мне

начинало казаться, что за моим экземпляром уже охотятся.

В те годы я был человеком не то что не воцерквлённым, но даже не крещёным, хотя моя бабка была поповной, то есть дочкой священника. Другая моя бабушка, Вера Николаевна, была из богатой купеческой старообрядческой семьи, правда, иконы у неё были самые обычные: в серебряных окладах, с рубашками, шитыми бисером и украшенными камнями, которые, мне помнится, я иногда пытался ковырять, за что получал по затылку. Как они меня не окрестили в детстве, мне не понятно до сих пор. Думаю, что из чувства противоречия. К примеру: баба Вера выгоняет домработницу за то, что та украла брошку, а моя бабка — Анна, жалея дрянную девку, берёт её на работу к себе — та через неделю у неё крадёт серебряный половник. Баба Вера маслицем льняным протрёт кожаные корешки у энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона и выставит их в книжном шкафу на видное место, так моя бабушка Анна тут же убирает своего Брокгауза в сундук да — в чулан, а потом и вообще взяла и подарила все восемьдесят шесть томов Гришке Девятым, будущему академику, когда тот докторскую диссертацию защитил.

В общем, ходил я некрещёным, пока мои бабки живы были, и никаких угрызений совести по поводу религии не ощущал. Ощущал я чувство нарастающей тревоги из-за зачистивших ко мне московских вояжёров, желавших посмотреть на Скорину.

Позвонил я тогда Луке и рассказал ему про своё сокровище. Лука заинтересовался? Нет, он не затрясся, он не был коллекционером — он был профессионалом, но он произнёс фразу, за которой сумел скрыть возбуждение и подтвердить интерес.

— Старик, мне ведь ничего не надо. У меня дома ни Шишкина, ни ваз Галле нет. Висит какой-то букетик Коровина, так и тот моей жене кто-то на день рождения подарил. Так что — надо ли мне Скорину? Отвечу — надо! Мне надо его для престижа, ведь ко мне приезжают антиквары со всего мира, и, конечно, я его не буду продавать, но вот показать и пох-

вастаться — это да! Годик или два он будет моим козырем.

7

Мы договорились встретиться с Лукой в его антикварном салоне в центре Москвы. Чёрные застеклённые витрины и двери этого магазина не имели ни вывески, ни планшета с режимом работы, никаких других опознавательных знаков: посторонних здесь не ждали. Охранник поздоровался со мной как с уважаемым клиентом, показав жестом на лестницу, ведущую на второй этаж, который без дверей и перегородок представлял собой огромный рабочий кабинет. Я поднялся по ней почти бегом, чуть не столкнувшись уже наверху со своим старым другом-приятелем, а теперь компаньоном Луки, Игорем-Авто. Он обнял меня со словами:

— Дай-ка мне подержать в руках твоё чудо, да я побегу.

Я вынул из дипломата упакованную в специально сшитую торбочку книгу и отдал её Игорю. Радусие никогда не сходило с его лица, а тут он ещё как-то загадочно улыбался, переводя взгляд с меня на Луку, сидевшего за письменным столом, и снова на меня.

— А в общем-то, лучше я её потом посмотрю, в спокойной обстановке. Надеюсь, она здесь задержится хотя бы на несколько дней.

Игорь протянул книгу Луке, который уже встал из-за стола, чтобы поприветствовать меня. Довольно равнодушно поздоровавшись, он обвёл вокруг себя рукой:

— Оглядишься тут. Ты ведь ни разу у нас с Игорем здесь не был, и вообще после арбатского «Раритета» мы с тобой не виделись. Я сейчас скажу, чтобы тебе кофе сделали, а коньяк и виски вон в баре бери и наливай. Хозяйничай, а я пока книжечку полистаю.

Лука сел за рабочий стол, а я огляделся. Огромное помещение представляло из себя что-то среднее между кабинетом, демонстрационным залом, подсобкой и складом: большой стол, стоящий в центре, мог служить для проведения совещаний и конференций, в мягких

креслах и диванах было удобно отдыхать, курить и выпивать, дубовые приземистые книжные шкафы были заполнены справочной литературой и каталогами, на больших мольбертах, подсвеченные специальными спотами, стояли шедевры, предназначенные к продаже: большая житийная икона строгановского письма и несколько интерьерных картин в шикарных рамах работы западноевропейских мастеров, судя по письму и жанрам.

Я разглядывал всё раскрыв рот: я просто не представлял себе, на каком уровне работает мой коллега! В тот момент неопределённого возраста дамочка, поднявшаяся к нам из торгового зала, приготовила кофе, и я уселся с чашкой в глубокое кресло, Лука встал из-за стола и подошёл ко мне с бутылкой виски и двумя фужерами.

— Давай сначала — со встречей, держи стакан! А потом будешь рассказывать про все дефекты книжки и о своих делах. А то я о тебе только от нашего Лёни Блистера слышу да от вашего Дымка, который мне иконы возит. — Он налил в стаканы, и мы выпили.

— Про все дефекты и недостатки я тебе рассказывать не буду — смотри, происхождение у книги самое что ни на есть благородное.

— Гена, к недостаткам таких редкостей, как эта, я всегда отношу их цену. Поэтому — говори, я жду!

— Лука, ты лучше меня знаешь — у таких предметов цены нет. Поэтому сколько скажешь — столько и будет. Мне она досталась бесплатно, и она мне не нужна. А тебе её хочется иметь. Сколько скажешь, столько и будет.

— Насчёт того, что её цену нам с тобой никто сегодня не скажет, это точно. А вот насчёт того, что она мне нужна — в этом я уже сейчас и не уверен. Хотя думай — у меня в сейфе сейчас восемь тысяч долларов. Вот их я и могу тебе сейчас заплатить, и — всё!

— Я даже думать не буду. Ты сказал — я согласен.

Лука достал из сейфа газетный свёрток и протянул мне:

— Считай!

Я, не глядя и не считая, засунул его в карман. Лука пожал плечами и улыбнулся

— Это по-нашему!

Он снова подошёл к столику и налил в фужеры по изрядной дозе из своей квадратной бутылки «Джонни Уокер», но выпить мы не сумели: нас прервал чей-то насмешливый и высокий, почти фальцетный, голос:

— Что же вы делаете-то, разбойники: пост идёт филипповский, а вы пьянствуете.

На входе, на верхней ступеньке винтовой лестницы, стоял, сняв шапку, симпатичный широколицый, русоволосый господин. Шуба его, а точнее драповое пальто с шалевым воротником из выдры и подбитое, как мне показалось, куницами, было распахнуто, и от господина прямо-таки тянуло задором и радостью.

— Илья Сергеевич, проходите, гостем дорогим будете. Сейчас я освобожусь, и мы с вами поболтаем. А пока вот, посмотри, на мольберте стоит: Фёдор Стратилат в житиях, семнадцатый век, сохранность — четыре с плюсом, видны реставрация и поновления прошлого века.

— Геннадий, — обратился Лука уже ко мне, — давай я тебя познакомлю со своим другом, великим русским художником и хранителем чистоты и духовности православной, Ильёй Сергеевичем Глазуновым.

— А это, — обращаясь уже к художнику, произнес мой друг, — Геннадий, он из города Горького, он поэт.

Мы пожали друг другу руки. Я понял — пора уходить. Но тут художник, который довольно

холодно отнёсся к знакомству, вдруг как-то загадочно на меня посмотрел и спросил:

— А вы случаем Володю Холуёва и Дмитрия Арсенина не знаете?

— Знаю, конечно, и хорошо. А у Дмитрия Дмитриевича я, бывает, ночью, когда его Лида уезжает навестить дочку. Он после инфаркта боится ночевать один, и я остаюсь с ним. Мы большие друзья.

Глазунов как-то интересно хмыкнул и на мгновение задумался.

— Я ведь с ними вместе в Питере, в репинской академии, учился. Славное время было. А потом мы вместе на Светлояр на ваш ездили. Я тогда работал над Мельниковым-Печёрским. Передай им обоим большой привет от меня.

Мне непонятно, как это получается, но на улице, на выходе из магазина, меня уже встречали Лёня Блистер и Сашка Соловей.

— Ну что — продал? — в один голос спросили они меня.

— Продал! — ответил я.

— Жалко, — сказал Соловей. — Я бы пятнашку дал.

— Да чего там жалко — подарок! — сказал Лёня Блистер. — Ну, захотелось человеку сделать подарок и — сделал! Подарить Библию — это же хорошо.

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер».

Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году.

Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.

С тех пор вышли одиннадцать книг стихов и прозы.

Печатался в журналах «Нева», «Всерусский сбор», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица».

Лауреат конкурса им. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

